

Berliner Slawistentagung (11—13 Novemb. 1954). Berlin, 1956, стр. 130—139 (= Veröffentlichungen des Instituts für Slawistik an der deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin, № 8)). Автор рассматривает историю древней русской литературы как историю жанров, в чем он определенным образом идет навстречу требованию, выдвинутому недавно в советской науке.³ Следовало бы только пожелать, чтобы Стендер-Петерсен теснее связал остроумно набросанную эволюцию жанровых систем с конкретным содержанием современной им исторической действительности. Это не нанесло бы никакого ущерба специфическим закономерностям литературы и придало бы концепции большую убедительность.

В своем стремлении к целостному охвату древнерусской литературы Стендер-Петерсен отнюдь не одинок. В Вене Р. Ягодич хранит наследство своего рано умершего учителя Н. С. Трубецкого. Статья Ягодича «N. S. Trubetzkoy als Literaturhistoriker» (Wiener Slavistisches Jahrbuch, IV, 1955, стр. 28—50) знакомит нас с увлекательными и донныне не опубликованными мыслями Трубецкого об эстетических переживаниях древнерусского человека и о специфике литературных жанров в древнерусской литературе. Один из основателей фонологии оказывается, таким образом, и исследователем как внутренней, так и формальной структуры литературных произведений, причем последние не отрываются им от их носителя — человека с его исторически обусловленными психическими предпосылками. В особом разделе названной статьи (стр. 36—41) Ягодич дает собственную краткую оценку некоторых последних работ советских исследователей древнерусской литературы (А. С. Орлова, Н. К. Гудзия и В. П. Адриановой-Перетц). Более подробную сводку, чем у Ягодича, дает труд: M. Woltneg. Die altrussische Literatur im Spiegelbild der Forschung 1937—1950 — Zeitschrift für slavische Philologie (далее: ZSP), XXI, 1952, стр. 159—193, 344—367; XXIII, 1954, стр. 189—200 (продолжение печатается). Изучению «Слова о полку Игореве», летописей и повестей посвящены три первых больших раздела, на основании которых рецензентка говорит об успехах прежде всего советских литературоведов. Отдавая должное отдельным выводам исследователей, она выступает против случаев «депоэтизации» («Entpoetisierung») древнерусской литературы (имеется в виду недооценка художественной специфики), следовательно, против тенденции, которая в последние годы была успешно преодолена самими советскими учеными.

В 1952 г. в Берлине был опубликован выполненный А. Magasanik'ом перевод учебника для средней школы советских авторов Н. Пospelова, П. Шаблиовского и А. Зерчанинова (Geschichte der russischen Literatur. Bd. I. Von Anfängen bis zu den dreissiger Jahren des 19. Jahrhunderts), который, конечно, мало мог удовлетворить потребности студентов-славистов ГДР. Переводы известных учебников Н. К. Гудзия и А. А. Кайева в настоящее время еще готовятся к печати. Это заставляет приветствовать начатую заочным отделением русистики педагогического института в Потсдаме серию учебных пособий по русской литературе. Первый выпуск — Geschichte der altrussischen Literatur (10.—17. Jahrhundert). Potsdam, 1957 — составлен мной.⁴ Из рекомендательных хрестоматий напечатана, собственно, только одна: R. Trautmann. Altrussisches Lesebuch. Teil I:

³ См. высказывание И. П. Еремина в ТОДРЛ (т. XII, М.—Л., 1956), стр. 289.

⁴ См. рецензию D. Affeld'a и K. Günther'a в «Fremdsprachenunterricht» (II, 1958, Н. 3). Так называемая «петербургская» концепция, вредное влияние которой в СССР было метко обрисовано Д. С. Лихачевым (Библиография советских работ по древнерусской литературе за 1945—1955 гг. Изд. АН СССР, М.—Л., 1956, стр. 4), встречается отчасти и в ГДР, хотя среди славистов в меньшей степени, чем среди преподавателей-практиков.